

ГЛАВА 1

Дело это началось во вторник, в один из первых дней июня. Утром, в начале двенадцатого, в нашу дверь позвонили, и я, выйдя в прихожую, посмотрел в прозрачное лишь с нашей стороны стекло и увидел именно то, что и ожидал: лицо — чуть узковатое, серые глаза — слегка великоватые, и фигуру — излишне, на мой вкус, худощавую. Я знал, кто эта женщина, потому что накануне днем она позвонила и условилась о встрече, и я хорошо представлял, как она выглядит, поскольку несколько раз видел ее в театрах и ресторанах.

Кроме того, я знал про нее вполне достаточно — из газет и понаслышке, — чтобы просветить на ее счет Ниро Вулфа, не прибегая к помощи архивных материалов. Она была вдовой Ричарда Вэлдона, писателя, который девять месяцев назад погиб нелепой смертью: гостя в Вестчестере у какого-то приятеля, он утонул во время купания в бассейне. Учитывая, что четыре его романа стали бестселлерами, причем тираж одного из них,

«Оставь мечты навек», при розничной цене 5 долларов 95 центов перевалил за миллион экземпляров, вдова вполне могла позволить себе оплачивать счета за услуги частного сыщика, вздумай она прибегнуть к его услугам. Прочитав роман «Оставь мечты навек», Вулф ловко от него избавился, подарив какой-то библиотеке, однако о следующей книге, «Только его облик», у него сложилось лучшее мнение, и этот роман даже удостоился места на книжной полке. Вероятно, именно этим объяснялось то, что Вулф соизволил не только приподнять свою тушу из кресла, когда я привел в его кабинет миссис Вэлдон, но и стоя дождался, пока я усадил гостью в красное кожаное кресло у края его стола. Сам же я, по обыкновению, уселся за собственным столом, но адреналин в моей крови не бурлил. По телефону вдова сказала, что хочет посоветоваться с Вулфом по делу не только деликатному, но и конфиденциальному, однако вовсе не производила впечатления человека, попавшего в беду. Похоже было, что поводом для ее прихода послужило анонимное письмо или какой-нибудь пропавший родственник.

Положив сумочку на этажерку у подлокотника кресла, посетительница обвела глазами кабинет, на мгновение стрельнула крупными серыми

глазами в меня, после чего наконец обратилась к Вулфу:

— Моему мужу понравилась бы эта комната.

Вулф, хмыкнув, промолвил:

— Одна из его книг мне тоже понравилась, хотя и не целиком. Сколько лет ему было, когда он умер?

— Сорок два.

— А вам сколько?

Это он старался уже ради меня. Дело в том, что Вулф свято убежден в трех заповедях. А именно: а) что его неприязнь к женскому полу не позволяет ему составить правильное мнение ни об одной особи; б) мне достаточно провести час в обществе любой женщины, чтобы понять ее как облупленную; и в) он может оказать мне неоценимую услугу, задав даме какой-нибудь грубый и невежливый вопрос. «Сколько вам лет?» — его излюбленный. И переупрямить его — задача безнадежная.

Но Люси Вэлдон обижаться не стала. Напротив, она улыбнулась и ответила:

— Лет мне уже много, даже, я бы сказала, чересчур. Двадцать шесть. Так что у меня достаточно жизненного опыта, чтобы понять, когда мне нужна помощь. Так вот, речь идет о том, чтобы... вообще-то мое дело чрезвычайно конфиденциальное. — И она красноречиво посмотрела на меня.

Вулф кивнул:

— Да, так всегда бывает. В профессиональном смысле слова мы с мистером Гудвином неразделимы, как сиамские близнецы. Что же касается конфиденциальности, то я не думаю, что вы совершили серьезное преступление. Не так ли?

Она снова улыбнулась. Едва заметно, но искренне и душевно.

— Нет, что вы, у меня бы не хватило духу. Конечно же, ни о каком преступлении речь не идет. Я просто хочу, чтобы вы помогли мне разыскать одного человека.

«Ну вот, — подумал я, — началось. Кузина Милдред куда-то запропастилась, и тетя Агата попросила богатую племянницу нанять частного детектива для ее розысков».

Однако Люси Вэлдон продолжила:

— История эта... ну, словом, она совершенно невероятная. У меня в доме появился маленький ребенок, и я хочу знать, кто его мать. Дело, как я уже говорила, весьма деликатное и конфиденциальное, хотя это и не абсолютный секрет. Моя горничная и повариха, например, в курсе этого, а также мой адвокат и еще двое друзей, но и только. Видите ли, я еще не уверена, готова ли оставить его у себя насовсем... Я имею в виду младенца.

Вулф взирал на нее сумрачно.

— Мадам, я не специалист по младенцам.

— Не сомневаюсь. От вас мне нужно... Сейчас

я все объясню по порядку. Ребенок находится у меня уже полмесяца. Ровно две недели назад, в воскресенье двадцатого мая, раздался телефонный звонок, и незнакомый голос сообщил, что в вестибюле моего дома меня кое-что ждет. Я вышла в вестибюль и обнаружила на полу живого младенца, завернутого в одеяло. Я подняла его, принесла домой и распеленала. К изнанке одеяльца была пришпилена записка.

Она сняла с этажерки сумочку, открыла и, когда я уже подскочил, чтобы выхватить из ее руки смертоносное оружие, извлекла на свет божий листок бумаги. Для того чтобы прочесть записку, мне хватило одного взгляда, однако передавать ее Вулфу через стол я не стал. Вместо этого я обогнул стол, вручил записку Вулфу и остановился рядом, чтобы рассмотреть ее получше. Это был лист стандартной дешевой бумаги размером четыре дюйма на шесть, а само послание в пять кособоких строк было отпечатано с помощью детского набора резиновых штампиков. Оно было лаконично и не содержало ничего лишнего:

МИССИС РИЧАРД ВЭЛДОН
ПРИМИТЕ ЭТОГО РЕБЕНКА
ПОТОМУ ЧТО МАЛЬЧИК
ДОЛЖЕН ЖИТЬ
В ДОМЕ СВОЕГО ОТЦА

Возле одного угла виднелись две дырочки от булавки. Вулф положил бумагу на стол, внимательно посмотрел на миссис Вэлдон и спросил:

— Это так?

— Не знаю, — честно призналась она. — Да и откуда мне знать? Хотя я вполне допускаю, что это возможно.

— Просто возможно или вполне вероятно?

— Трудно сказать. Пожалуй, последнее. — Она закрыла сумочку и положила на место. — Вполне вероятно, что такое могло случиться. — Люси небрежно махнула рукой, и я успел разглядеть обручальное кольцо. Затем снова обвела взглядом нас с Вулфом. — Дело это, видите ли, очень личное.

— Да, я уже понял.

— Так что... словом, мне хотелось бы, чтобы вы это помнили. Мы с Диком сочетались браком почти два года назад — через месяц как раз будет годовщина. Мы с ним любили друг друга, я до сих пор в этом убеждена, хотя у меня в мозгу подспудно свербело, что Дик — такая знаменитая личность и я стану миссис Ричард Вэлдон. Тогда как он... ну, в общем, он тоже помнил, кто я такая. В девичестве я носила фамилию Армстед. Не знаю, догадывался ли он об этом раньше, но потом, когда мы уже жили вместе, наверняка по-

нял, насколько мне осточертела моя прежняя фамилия.

Она перевела дух, затем продолжила:

— До брака со мной Дик слыл настоящим донжуаном, хотя репутация его была, на мой взгляд, во многом мифологизирована — так обычно бывает. В течение первых двух месяцев мы с ним буквально не вылезали из... — Она осеклась и закрыла глаза. Впрочем, ненадолго. — Для меня в эти дни ничего и никого больше не существовало. Словно время остановилось. Думаю, и он чувствовал то же самое. Даже уверена. А вот потом, точно не знаю, но, по-моему, все немного изменилось. За последний год своей жизни Дик, возможно, и встречался с женщиной. Может, даже с двумя. Или с целой дюжиной, не знаю. Допускаю только, что это вполне возможно. Так что этот ребенок... как я сказала? Ах да — вполне вероятно, что такое могло случиться. Вы понимаете?

Вулф кивнул.

— Пока да. И что вас беспокоит?

— Как что? Младенец, конечно! В свое время я сама хотела завести ребенка, даже двух или трех, да и Дик тоже об этом мечтал, однако тогда я решила, что торопиться не стоит. Отложила на потом. До сих пор простить себе этого не могу. Дик умер, а я... мы с ним так и не завели дети-

шек. И вот теперь у меня появился ребенок — возможно, его сын. — Она указала пальцем на листок бумаги, который лежал перед Вулфом. — Думаю, как здесь написано, так и должно быть. Мальчик должен жить в доме своего отца и уж тем более носить отцовскую фамилию. Загвоздка лишь в том, чтобы установить, является ли Ричард Вэлдон его настоящим отцом или нет. — Она выразительно развела руками. — Теперь понимаете?

— Пф! — фыркнул Вулф. — Это установить невозможно, и вы сами это знаете. Гомер сказал: «Ни одному человеку не дано узнать, кто его отец». Шекспир выразился еще яснее: «Лишь мудрец способен распознать плод от дерева своего». Я не в силах вам помочь, мадам. Ни я, ни кто-либо другой.

Она снисходительно улыбнулась.

— Я тоже могу сказать «пф!». Вы, безусловно, способны мне помочь. Я прекрасно понимаю, что вам не удастся доказать, в самом ли деле именно Дик зачал этого ребенка, однако вы можете узнать, кто подбросил его в наш вестибюль и кто его мать. И тогда мы можем... Вот, смотрите. — Она достала еще одну бумагу, непохожую на первую. — Я уже все рассчитала. По словам доктора, мальчику в тот день, когда я его нашла, то есть двадцатого мая, было четыре месяца. Это

я использовала как точку отсчета. — Она кинула взгляд на бумагу. — На свет он появился, таким образом, двадцатого января, а зачат был, следовательно, в конце апреля прошлого года. Когда вы узнаете, кто его мать, вы сможете выяснить все подробности насчет ее с Диком. Насколько вероятно, что они в это время встречались, и тому подобное. Разумеется, это не докажет, что именно Дик — отец подкидыша, однако нам уже будет от чего оттолкнуться. С другой стороны, если выяснится, что это розыгрыш и Дик никак не мог быть отцом этого малыша, то для меня это тоже крайне важно. Понимаете, да? Так что первым делом необходимо выяснить, кто подкинул младенца и кто его мать. Потом, наверное, мне самой захочется кое о чем ее расспросить, только... Ладно, поживем — увидим.

Вулф, откинувшись на спинку кресла, исподлобья воззрился на посетительницу. Это начинало походить на работу, отказаться от которой он мог разве что по совершенно надуманной и высосанной из пальца причине. Работу Вулф и без того на дух не выносил, а сейчас, когда его банковский счет был вполне благополучен, ему претила даже сама мысль о ней.

— Вы слишком многого от меня хотите, — возразил он. — Я ведь не чародей, миссис Вэлдон.

— Разумеется, — поспешно согласилась она. — Но разве не вы — лучший сыщик в мире?

— Вполне возможно, что нет, — поскромничал Вулф. — Не исключено, что лучший сыщик в мире — неграмотный дикарь из какого-нибудь богом забытого племени. Вы сказали, что ваш адвокат знает про подкинутого младенца. А известно ему, что вы решили обратиться ко мне?

— Да, и он это не одобряет. Говорит, что оставить ребенка у себя будет с моей стороны величайшей глупостью. Он, правда, по моему настоянию уже устроил так, чтобы в соответствии с законом я могла временно держать подкидыша у себя, но он категорически возражает против поисков его матери. Хотя это уже мое личное дело. Ему же остается одно — свято и неукоснительно соблюдать букву закона.

Сама того не подозревая, она попала в точку. Даже Вулф с его внушительным лексиконом не выразил бы лучше своего отношения к адвокатской братии. Сам же Вулф в ответ лишь насупил брови.

— Сомневаюсь, — промолвил он, — что вы как следует взвесили все трудности, которые вас подстерегают. Расследование почти наверняка затянется, обойдется вам в круглую сумму и, скорее всего, не принесет плодов.

— Да, я знаю, — кивнула миссис Вэлдон. — И повторяю: я понимаю, что вы не чародей.

— По карману ли вам мои услуги? Я беру дорого.

— И это мне известно. Бабушка оставила мне наследство, кроме того, я получаю отчисления от продаж книг моего покойного мужа. И свой дом я уже выкупила. — Она улыбнулась. — Если хотите взглянуть на мою налоговую декларацию, мой адвокат вам ее предоставит.

— Это не обязательно. Расследование может занять несколько недель, месяц, даже год.

— Ничего страшного. По словам моего адвоката, временное опекуновство над ребенком можно продлевать через каждый месяц. И так до бесконечности.

Вулф взял со стола полученный от нее лист бумаги, еще раз пробежал его глазами, затем отложил в сторону и взглянул на миссис Вэлдон.

— Вам следовало обратиться ко мне раньше, — сурово сказал он. — Или не обращаться вовсе.

— Я только вчера приняла окончательное решение, — отрезала гостя.

Вулф попытался ухватиться за последнюю соломинку:

— Возможно, мы уже опоздали. С того воскресенья, двадцатого мая, прошло шестнадцать дней. Вам позвонили днем?

— Нет, вечером. В начале одиннадцатого.

— Мужчина или женщина?

— Я не уверена. Мне показалось, что говорил мужчина, который пытался изменить голос на женский. Либо наоборот — звонила женщина, которая старалась, чтобы ее приняли за мужчину. Точно сказать не могу.

— А к чему вы больше склоняетесь?

— Не знаю. А гадать не хочу.

— Что вам было сказано? Попробуйте вспомнить дословно.

— Дома я была одна, потому что отпустила горничную. Я сняла трубку и сказала: «Резиденция миссис Вэлдон». Незнакомый голос спросил: «Это миссис Вэлдон?» Я ответила, что да, и тогда голос продолжил: «Выйдите в вестибюль — там для вас кое-что лежит». И трубку повесили. Я вышла в вестибюль и... остальное вы знаете. Я занесла младенца внутрь, вызвала своего врача и...

— Не торопитесь, пожалуйста. Скажите, вы находились дома целый день?

— Нет, я уезжала за город на весь уик-энд. Домой вернулась около восьми. Поздно вечером в воскресенье я не езжу из-за вечных пробок.

— Куда именно вы ездили?

— В район Вестпорта. К Джулиану Хафту — это издатель Дика.

— Где находится Вестпорт?

Глаза миссис Вэлдон в недоумении расширились. Я же и ухом не повел. Тем, что Вулф не знает про окрестности Нью-Йорка, можно заполнить целый атлас.

— Как — где? В Коннектикуте, конечно, — ответила она. — Округ Фэрфилд.

— Во сколько вы оттуда выехали?

— В начале седьмого.

— На машине? У вас свой автомобиль?

— Да.

— С шофером?

— Нет, я сама люблю порулить.

— Вас кто-нибудь сопровождал?

— Нет, я была одна. — Миссис Вэлдон выразительно покрутила рукой, на пальце которой красовалось обручальное кольцо. — Вы, конечно, детектив, мистер Вулф, но, признаться, я не вижу смысла в ваших расспросах.

— В таком случае вы просто не пытались пошевелить мозгами, — отбрил Вулф. И выразительно посмотрел на меня. — Растолкуй ей, Арчи!

Он намеренно дерзил ей. И, не желая расходовать силу своего интеллекта на объяснение очевидного, препоручил ее мне. Я, разумеется, перечить и упираться не стал.

— Должно быть, миссис Вэлдон, заботы о младенце отняли у вас слишком много умственной энергии, — начал я. — Допустим, что под-

бросил его я. Причем сначала оставил ребенка под вашей дверью, а потом позвонил вам. Я поступил бы так только в том случае, если бы точно знал, что вы дома и подойдете к телефону. Вполне возможно, что я околачивался вокруг вашего дома, дожидаясь, пока вы появитесь, либо просто заметил в окнах свет, либо же, что наиболее вероятно, я знал, что вы уехали на весь уик-энд и собираетесь вернуться вечером. Не исключено, что мне даже было известно, в котором часу вы выехали из Вестпорта. Возьмем, например, последний вопрос: сопровождал ли вас кто-нибудь? Если да, то это был бы наиболее простой и верный способ узнать, во сколько вы вернулись. Так что, ответь вы на этот вопрос утвердительно, следующий вопрос гласил бы: кто? Вот и все.

— О господи! — Глаза миссис Вэлдон полезли на лоб. — Неужели кто-то из моих знакомых... — Не договорив, она обратилась к Вулфу: — Хорошо. Можете спрашивать все, что вам угодно.

— Не угодно, — проворчал Вулф, — а необходимо. В том случае, разумеется, если я соглашусь взяться за ваше дело. Итак, дом у вас собственный. Где он находится?

— На Одиннадцатой улице, неподалеку от Пятой авеню. Я его унаследовала. Его возвел еще мой прадед. Когда я говорила, что мне до смерти осточертела моя прежняя фамилия — Армстед, —

я не имела в виду дом. Это наш фамильный особняк, и я его обожаю. Дик тоже любил его.

— Вы сдаете комнаты внаем? Жильцов пускаете?

— Нет. Хотя теперь — кто знает...

— Горничная и кухарка проживают в вашем доме?

— Да.

— Кто-нибудь еще?

— Нет. Прислуга приходит только по будням.

— Могла ли горничная или кухарка в январе произвести на свет ребенка?

Миссис Вэлдон снисходительно улыбнулась:

— Только не кухарка. Но и горничная тоже не могла. Она живет в моем доме уже без малого два года. Нет, подкидыш, конечно же, не ее сын.

— Ребенка могла родить одна из их родственниц. Сестра, например. Прекрасная возможность избавиться от неугодного племянника. — Вулф снабдил эту реплику выразительным жестом. — Но это мы установим в два счета. — Он постучал по записке пальцем. — Поговорим теперь об этих проколах. Булавка была английская?

— Нет, не английская. Самая обыкновенная.

— Понятно. — Брови Вулфа взметнулись вверх. — По вашим словам, записка была приколотата с внутренней стороны одеяла. Где именно? Возле какой части тела — ног, груди, головы?

— По-моему, ближе к ногам, хотя точно вспомнить не могу. Я уже развернула одеяло и вынула ребенка и лишь потом заметила записку.

Вулф повернул голову в мою сторону.

— Арчи, ты любишь заключать пари. Какова вероятность того, что женщина не стала бы подвергать младенца риску уколаться булавкой?

Соображал я около трех секунд.

— У нас не хватает сведений. Куда именно была воткнута булавка? Во что был одет младенец? Насколько доступна была английская булавка? Я бы оценил шансы как десять против одного, но это вовсе не означает, будто вероятность того, что подбросил ребенка мужчина, выше в десять раз. Я просто рассуждаю вслух. Пари не предлагаю.

— Я тебя об этом и не просил. — Вулф снова пытливо воззрился на миссис Вэлдон. — Не думаю, что младенец был совсем голенький. Верно?

— О да. Он был одет — даже слишком. Свитер, вельветовые шапочка и комбинезончик, маечка, прорезиненные трусики и подгузник. Да, ну и пинетки, конечно. Словом, на нем было сто одежек.

— Английские булавки были?

— Конечно — в подгузнике.

— А подгузник был... свежий?

— Нет. Он весь перепачкался. Должно быть,

его давно уже не меняли. Я его сменила перед приходом врача, но для этой цели мне пришлось воспользоваться наволочкой.

Я посчитал своим долгом вмешаться:

— А вот теперь, коль скоро вы интересовались моим мнением, я готов предложить пари. Ставлю двадцать против одного, что одевала младенца не та женщина, которая приколола бумажку к одеялу.

Вулф оставил мое заявление без комментариев. Лишь повернул голову, чтобы посмотреть на настенные часы. До обеда оставался еще час. Вулф шумно втянул носом столько воздуха, сколько помещалось в его носовых пазухах (а это очень много, поверьте мне!), затем выпустил его через рот и снова обратился к миссис Вэлдон:

— Нам понадобятся дополнительные сведения, и довольно много. Мистер Гудвин справится с этой задачей столь же успешно, как и я. Моя же роль состоит в том, чтобы установить личность матери этого ребенка, предъявить эту женщину вам и определить вероятность того, что отцом ребенка действительно был ваш супруг. Причем успеха я не гарантирую. Вас это устраивает?

— М-м-м... да. Если только вы... — Она замялась. — Нет, мой ответ — да.

— Очень хорошо. Тогда перейдем к формальностям. От вас требуется внести задаток.

— Конечно. — Она протянула руку к сумочке. — Сколько?

— Не имеет значения. — Вулф отодвинул кресло и встал. — Один доллар, сто или тысячу. Мистер Гудвин расспросит вас о том, что нам необходимо знать. А теперь разрешите откланяться.

Он прогромохал к двери и, выйдя в прихожую, повернул налево, к кухне. На обед ожидалась алозовая икра в горшочке, одно из блюд, по поводу приготовления которого у Вулфа с Фрицем были давние расхождения. Оба соглашались включать в рецепт кулинарный жир, анчоусное масло, кервель, лук-шалот, петрушку, лавровый лист, перец, майоран и сливки, а вот репчатый лук вызывал острые разногласия. Фриц был целиком за, Вулф столь же категорически против. Учитывая, что очередной ученый спор вполне мог перерасти в громкий скандал, я встал и предусмотрительно закрыл дверь, которая не пропускала звуков извне. Когда же я возвращался на свое место, миссис Вэлдон остановила меня и вручила мне чек на одну тысячу долларов ноль центов.

ГЛАВА 2

В тот же день, без четверти пять, я расспрашивал свидетелей в кухне дома Люси Вэлдон на Западной Одиннадцатой улице. Сам я, держа в

руке стакан молока, стоял, прислонясь спиной к холодильнику. Миссис Вера Дауд, стряпуха, которая, судя по габаритам, не только пробовала собственноручно приготовленные блюда, но и сверх всякой меры их уплетала, восседала на стуле. Это она по моей просьбе снабдила меня молоком. Мисс Мария Фольц, облаченная в униформу горничная, которая лет десять назад наверняка притягивала к себе взгляды сильной половины человечества, но и сейчас была весьма недурна собой, стояла возле раковины лицом ко мне.

— Мне необходима ваша помощь, — провозгласил я, отхлебывая молока.

Поверьте, я вовсе не преднамеренно умалчиваю о предобеденной беседе с миссис Вэлдон; просто нет смысла утомлять вас всеми сведениями, которые я заношу в свои блокноты. Тем не менее некоторыми подробностями готов поделиться.

Итак, врагов или даже недоброжелателей у нее не было, по крайней мере таких, кто мог бы подбросить ей ненужного ребенка. В семье она тоже ни с кем не ссорилась. Ее отец с матерью в настоящее время пребывали на Гавайях — в одном из промежуточных пунктов кругосветного путешествия; брат, у которого была собственная семья, жил в Бостоне, а замужняя сестра — в Вашингтоне. Ближайшая подруга, Лина Гатри, одна

из трех персон, помимо доктора и адвоката, которым миссис Вэлдон показывала прищипленную к одеяльцу записку, считала, что ребенок похож на Дика, тогда как сама Люси от мнения на сей счет воздерживалась. Нарекать мальчика до тех пор, пока она не решила оставить его себе, Люси тоже не хотела. Высказалась, правда, что готова назвать его Моисеем, поскольку отца этого библейского персонажа тоже никто не знал, но при этом усмехнулась. Ну и так далее. Еще я выудил из нее пару десятков нужных фамилий — остальных пяти людей, гостивших в тот уик-энд в Вестпорте у Хафта, — четырех женщин, с которыми Дик предположительно водил дружбу в апреле прошлого года, а также фамилии людей, большей частью мужчин, которые могли знать о привязанностях и увлечениях Дика больше, чем его вдова. Наиболее перспективными из них показались мне Лео Бингэм, телевизионный продюсер, Уиллис Кинг, литературный агент, и Джулиан Хафт, издатель, глава издательского дома «Парфенон-Пресс».

Между прочим, кухню я выбрал местом встречи с миссис Дауд и мисс Фольц по той причине, что с людьми проще всего беседовать в привычной для них обстановке. Когда я заявил дамам, что нуждаюсь в их помощи, миссис Дауд подо-

зрительно прищурилась, а мисс Фольц смерила меня недоверчивым взглядом.

— Я насчет ребенка, — провозгласил я, отхлебывая еще молока. — Миссис Вэлдон пригласила меня наверх, чтобы я на него полюбовался. Так вот, на мой взгляд, он слишком раскормлен, грязноват, да и нос картошкой. Впрочем, вы, женщины, наверно, видите его по-своему.

Мисс Фольц скрестила руки на груди. Миссис Дауд пылко возразила:

— Да что вы — ребенок как ребенок!

— Что ж, вам виднее. Судя по всему, тот, кто подбросил мальчонку в вестибюль, рассчитывал, что миссис Вэлдон захочет оставить его у себя. Не представляю, каковы ее намерения на сей счет, однако ей любопытно знать — и это вполне естественно, — откуда взялся мальчик. Чтобы выяснить это, она обратилась за помощью к частному сыщику. Его зовут Ниро Вулф. Возможно, вы о нем слышали.

— Его по телику показывают? — осведомилась мисс Фольц.

— Не говори глупости! — зашипела на нее миссис Дауд. — Он же всамделишный! — И обратилась ко мне: — Конечно, я его знаю. Как и вас, кстати. Примерно год назад я видела в газете вашу фотографию. Запомню только, как вас зовут... Ах нет, вспомнила! Арчи! Арчи Гудвин.

Как же я сразу не догадалась, когда миссис Вэлдон сказала, что с нами хочет поговорить мистер Гудвин? Память на имена у меня прекрасная. Как, впрочем, и на лица.

— Замечательно, — похвалил я, отпивая еще молока. — Именно поэтому я к вам и обратился. Сами судите: о чем в первую очередь думает сыщик, берясь за такое дело? Он рассуждает примерно так: неспроста ребенка подкинули именно в этом дом, должна быть тому какая-то причина. А какая? Возможно, скажем, что кто-либо, проживающий под крышей этого особняка, посчитал, неплохо бы поселить сюда и этого малыша. Мистер Вулф осведомился у миссис Вэлдон, кто еще живет с ней, и она ответила: миссис Вера Дауд и мисс Мария Фольц. Тогда он спросил, могла ли одна из этих женщин произвести на свет младенца месяца четыре назад, на что она ответила...

Меня прервали возмущенные возгласы. Я поднял руку ладонью наружу и сказал, стараясь не повышать голоса:

— Вот видите, теперь вы и сами понимаете, почему я обратился к вам за помощью. Стоило мне только привести один-единственный пример вопросов, которые задает любой частный сыщик, и вы обе как с цепи сорвались. Разумеется, миссис Вэлдон заверила моего босса, что ни одна из вас детей четыре месяца назад не рожала, но то-

гда возникает следующий вопрос. Нет ли у одной из вас родственницы, скажем, сестры, которая по каким-либо причинам была вынуждена отказаться от собственного ребенка? Понимаю, вопрос не простой. Тут мне придется изрядно покопаться. Перебрать всех ваших родственников и друзей, с каждым из них пообщаться, потратить уйму времени и денег. Но в конечном итоге до истины я доберусь, смею вас уверить.

— Я могу ответить вам прямо сейчас, не сходя с места, — вызвалась миссис Дауд.

Я кивнул:

— Не сомневаюсь и очень вам за это признателен. Мне бы не хотелось, чтобы вы затаили обиду на миссис Вэлдон, что она попросила вас встретиться и переговорить со мной. Если уж прибегаешь к услугам частного сыщика, то нужно создавать ему условия для работы, предоставив полную свободу действий, а не вставлять палки в колеса. Поэтому ей нужно было либо развязать мне руки, либо отказаться от услуг Ниро Вулфа. Если одной из вас известно, откуда взялся мальчик, но вам хотелось бы, чтобы он рос в нормальных условиях, так и скажите. Пусть миссис Вэлдон и не оставит его себе, но непременно подыщет для него хорошую семью и проследит, чтобы историю его происхождения хранили в тайне. В противном случае мне придется проводить

полномасштабное расследование с опросом всех ваших знакомых и родственников...

— Моих знакомых и родственников вам допрашивать ни к чему, — перебила меня миссис Дауд.

— Моих тоже, — ввернула мисс Фольц.

Я и сам об этом догадался. Даже самый опытный физиономист далеко не всегда найдет верный ответ, изучая лицо собеседника, но порой это случается, как в данном случае со мной. Ни на одном из двух женских лиц не мелькнула даже тень сомнения: поразмыслить над предложением миссис Вэлдон или позволить мне приступить к расследованию. Так я им и объяснил. Потом, допив молоко, я еще немного побеседовал с ними о физиогномике, после чего соврал, будто заверил миссис Вэлдон в том, что, поговорив с ними, оставлю их в покое. Заранее такие обещания, конечно, никто не дает, поскольку никто не в силах предсказать, как закончится та или иная беседа. Как бы то ни было, расстались мы друзьями.

В доме был лифт, куда более современный и менее шумный, чем его допотопный собрат в особняке Вулфа на Западной Тридцать пятой улице, однако мы договорились, что миссис Вэлдон будет ждать меня на втором этаже, и я решил подняться пешком по лестнице.

Миссис Вэлдон приняла меня в просторной комнате, в которой без труда поместились бы и

кабинет Вулфа, и примыкающая к нему гостиная. А вот обстановка, за исключением ковра и огромного телевизора в дальнем углу, была отнюдь не современной. Все здесь было либо старым, либо под старину — судить не берусь. Клиентка наша расположилась с журналом на диване, возле которого стоял небольшой бар на колесиках. Час назад его здесь не было. И еще, она снова переоделась. Если на встречу с Ниро Вулфом она пришла в сшитом на заказ костюме, светло-коричневом в темную полоску, а час назад встретила меня в облегающем сером платье, которое куда лучше гармонировало с цветом ее глаз, то теперь на ней было светло-голубое платьице без рукавов, глубоко декольтированное и, по-видимому, шелковое, хотя в наши дни трудно судить об этом уверенно. Увидев меня, миссис Вэлдон отложила журнал в сторону.

— Все чисто, — заявил я. — Они невиновны.

— Вы уверены?

— На все сто.

Запрокинув голову, она сказала:

— Быстро же вы справились. Как вам это удалось?

— Секрет фирмы. Я не имею права разглашать клиенту подробности операции, не обсудив их с мистером Вулфом. Однако перенесли они испытание стоически и достойно. У вас по-преж-